

Д.В. ПИТОЛИН

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81.111'42(73)(Диаз Дж.)
ББК Ш33(7)-8,44+81.055.1

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В РАМКАХ ДИХОТОМИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ДЖ. ДИАЗА «DROWN»²

Аннотация. В статье рассматривается метафорическое моделирование концепта «чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown».

Ключевые слова: концептуальная метафора, дихотомия «свой-чужой», спанглиш, литература на спанглише.

Данная статья посвящена изучению метафорического моделирования концепта «чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown». Методика предлагаемого исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов) и теории концептов В.И. Карасика, которые обеспечивают выделение основных метафорических моделей.

Концепт «чужой» является частью метафорической диады «свой-чужой» представляющей одной из базовых бинарных оппозиций в языковой картине мира. Рассматриваемая нами концептуальная диада «свой-чужой» относится к базисным мифологемам ценностной картины мира. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). С развитием общественного сознания группа «не людей», или «чужих», приобретает статус социальной. Выделяя социальный характер концептуальной диады «свое-чужое», Ю.С. Степанов отмечает, что она «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. Кроме того групповые социальные понятия «друг-враг» (варианты: «свои-чужие, «мы-они») предшествуют становлению категории личностной идентификации – «я» [Кон 1978: 128; Поршнев 1977: 95].

² Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 "Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления"

Концептуальная диада «свой-чужой» служит универсальным принципом концептуализации реальности. Она может выступать макрокоррелятом действительности, трансформируясь в прочие биполярные категории. Она может расширяться до доменов географического пространства согласно принципу трансформаций по аналогии, выработанному в структурной антропологии: свое – дом – ферма – поле – отдаленное [Leach 1964: 36].

В целом, исследования оппозиции «свое – чужое» в русле лингвокультурологической проблематики позволяют сделать наиболее обобщенные выводы о ее универсальных или обусловленных национальной спецификой свойствах, статусе в различных культурах, связи с другими концептуальными диадами (М. Bamberg 2004, J. Fabian 1996, E. Leach 1964, Карасик, 2002, В.В. Красных 2003, С.Л. Сахно 1991, А.Н. Серебренникова 2005, Ю.С. Степанов 2004, Т.В. Цивьян 2005 и др.).

Кроме рассмотрения теоретических основ необходимо обратиться и к истории спанглиша как явления контактной лингвистики. Регулярные контакты носителей английского и испанского языков происходят уже не один век, тем не менее, интерес к спанглишу, как к результату этих контактов возник относительно недавно. Прежде считалось, что смешение данных двух языков в речи носит несистемный и индивидуальный характер и спанглиш как целостное лингвистическое явление не рассматривался. В последней четверти XX века на волне возникшего интереса к афроамериканскому варианту английского языка внимание учёных привлёк и спанглиш. О статусе этого языкового явления высказывались различные мнения. Некоторые исследователи называют спанглиш самостоятельным языком [Stavans 2001: 5], другие, напротив, считают его проявлением неграмотности отдельных людей [Betanzos Palacios 2001: 17]. Однако наиболее адекватным представляется мнение о спанглише как об интерязыке [Franco 2007: 6].

Неопределённость статуса спанглиша как явления не помешала развитию целой культуры, отражённой в нём. Как следствие возник массив литературы, написанной на смеси языков, которая была оценена не только культурологами и лингвистами, как материал для исследований, но и литературными критиками. Особенно стоит выделить эссеиста журнала *The New Yorker* Джунота Диаза и его дебютный сборник рассказов «Drown», получивший широкое признание в литературных кругах.

Действие рассказов происходит поочередно то в Доминиканской Республике, то в США, что повторяет биографию автора. Одной из центральных линий сборника является попытки главного героя определить «свое» и «чужое» в мире. Это тем более сложно, что иммигрировав, до-

миниканцы перестают быть «своими» на родине и остаются «чужими» в Штатах.

Пожалуй, одним из главных дифференциальных признаков для всех персонажей рассказов является этническая принадлежность. Особенно трепетно к этому относятся жители Доминиканской Республики, которую армия США оккупировала дважды в двадцатом веке. Из этого очевидно, что местные жители не испытывают никаких положительных эмоций по отношению к американцам и стараются вербально отмежеваться от них, даже переехав в штаты. *The whites were always dumping their bad shifts on him and on his friend Chuito. Белые всегда скидывали на них с его другом Чуито тяжёлые смены.* Кроме того, чтобы подчеркнуть своё отличие от местного населения, выходцы из Латинской Америки называя их «белыми» переходят на испанский язык, который «белые» совершенно не знают. *A friend of his at work put him in touch with a portly balding blanco named el General. Его друг по работе познакомил его с тучным лысеющим белым, по имени Генерал.* Естественно не остаётся без внимания доминиканцев любимое из уничижительных и, по мнению многих исследователей, самое старое прозвище, данное ещё испанцами иноземцам, в основном с Британских островов, плохо или вообще не говорящим по-испански – «гринго». Несмотря на то, что этимология этого слова достоверно не прослежена и по сей день, оно широко распространилось и в Новом Свете. Теперь, словом «гринго», называют жителей США уже латиноамериканцы. *The towns nearby are quiet, lots of good gringos. Города рядом тихие, много хороших гринго.* Некоторые эксперты считают, что само по себе, слово «гринго» не является оскорблением, но лишь обозначает светлокожего человека, как правило, носителя английского языка, плохо говорящего по-испански. Вполне вероятно, что это соответствует действительности, однако, в рассказах Диаза контекст вполне однозначно указывает на то, что этим словом обозначают не просто чужака, а плохого чужака. *And the way she says it, so painfully gringo, makes the corners of my eyes narrow. И то, как она сказала это, совсем как гринго, заставило уголки моих глаз болезненно сжаться.* Не забывают доминиканцы и других оскорбительных номинаций жителей США. Среди прочего, используется и слово «redneck». Изначально горожане таким образом презрительно отзывались о деревенских жителях южных штатов, чья шея всегда была загорелой от работы в поле. Со временем значение этого слова несколько изменилось, и сейчас стало очень близко к другому – «white trash», дословно – «белый мусор». *As a son I feel I owe her that much, even though neither of us has a car and we have to walk two miles through redneck territory to catch the M15. Я чувствовал, что это мой сыновий долг, хотя ни у одного из нас*

не было машины, и чтобы добраться до шоссе М15, нам пришлось две мили идти через территорию **реднэков**. В рассказе герои находятся в северном штате Нью-Джерси, к тому же в местах, где скорее развита промышленность, чем сельское хозяйство. Следует отметить, что в данный момент «redneck» значит скорее необразованного белого американца из низших слоёв общества. Кроме того, герои рассказов вспоминают героя Г.Б. Стоу – дядю Тома. В романе Стоу дядя Том – это покорный и благородный негр, проданный в рабство злому плантатору. Тем не менее, так называемые, чернокожие националисты используют это имя, чтобы описать афроамериканца раболепствующего и заискивающего перед белыми. Зачастую и латиноамериканцы используют имя дяди Тома в этом значении. *It will sound like something her parents made her memorize. Your brother once heard that one and said, Man, that sounds like a whole lot of **Uncle Tomming** to me. Don't repeat this. Это прозвучит как будто её родители заставили её выучить это. Твой брат однажды услышав такое, сказал, Да уж, это звучит как будто она **выслушивается перед белыми**. Никогда этого ей не повторяй.* С другой стороны, когда дело доходит до противопоставления афроамериканцам, гордые сыны Доминиканской Республики не стесняются в выражениях. Они прибегают даже к чрезвычайно табуированному в Соединённых Штатах, так называемому «the n-word» (слову на букву «н»). *None of us wanted to be **niggers**. Not for nothing. Никто из нас не хотел быть **ниггерами**. Ни за что.* Несмотря на то, что в смысле борьбы против белого населения за свои права латиноамериканцы готовы перенимать и опыт, и терминологию, и методы своих чёрных товарищей, когда дело доходит до самоидентификации, от них отстраняются не меньше, чем от белых. Кроме этого, у доминиканцев весьма сложные отношения с их соседями – жителями Гаити. Их в Доминиканской Республике считают более глупыми, бедными и некрасивыми – достаточно типичный набор негативных стереотипов о ближайших соседях для большинства стран. Поэтому когда старший брат протагониста, пытается как можно сильнее задеть младшего и убеждает, что того усыновили, он отдельно выделяет якобы гаитянское происхождение главного героя, максимально принижая его перед друзьями. *It's **the Haitian**, he'd say to his buddies. Hey **Señor Haitian**, Mami found you on the border and only took you in because she felt sorry for you. Это же **гаитянин**, говорил он своим приятелям. Эй, **сеньор гаитянин**, мама нашла тебя на границе и подобрала тебя только потому, что пожалела тебя.* Таким образом, доминиканцы в рассказах Диаза по этническому признаку признают чужими не только белых-гринго или же чёрных жителей Америки, но и своих ближайших соседей – гаитян.

Разделение на «своих» и «чужих» происходит не только по этническому, но и по принципу достатка. При этом своими признаются бедные, богатые, же, напротив, показаны отрицательными персонажами. Описание любого человека с высоким социальным статусом, обычно на таких людей работают доминиканцы, сопровождается крепким эпитетом, чтобы ни у собеседника, ни у читателя не оставалось сомнений в отношении говорящего. *Anglo or some other bog people. Probably a **fuck-ing banker**. What's the first name?* Англичанин или кто-нибудь вроде того – с болот. Наверняка **поганый банкир**. Как его зовут?

Важное место в рассматриваемом сборнике рассказов занимают зоо-метафоры. Иногда с их помощью создаются причудливые, но весьма точные образы, демонстрирующие глупость посторонних. ...*the tourists were making apes out of themselves, and with the tígueres waiting to rob them. ...туристы вели себя как обезьяны, а уличные ребята ждали момента, чтобы ограбить их.* Также используется «любимая» практически во всех культурах свинья. *Those pigs must have laughed their asses off. Эти свиньи, должно быть, надорвались от смеха.*

Таким образом, анализ способов метафорического моделирования концепта «Чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown» представленный в данной статье показывает, что в рассматриваемом сборнике большое значение имеют образы из сферы-источника «этнос», что является особенностью не только данного сборника, но и в целом литературы на спанглише, так как носителям данного интерязыка в условиях иммиграции и ухода от своих корней необходимо самоидентификация, пусть даже через отрицание всех окружающих этнических групп. В ходе этого процесса происходят некоторые изменения исходных значений слова. Также большое значение имеет сфера-источник «животные», а также «социальный статус». Основные сферы, репрезентирующие концепт «Чужой» остаются неизменными, вне зависимости от сюжета, автора и даже языка написания, что подтверждается использованием базовых метафорических моделей. Данные сферы-источники представляются нам универсальными для данной языковой общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
- Кон И.С. Открытие «я». – М.: Политиздат, 1978.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1977.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.
- Betanzos Palacios O. El español en Estados Unidos: problemas y logros. II Congreso Internacional de la Lengua Española. Valladolid, España, 2001. URL:

<http://www.cervantes.es/congresosdelengua.es/default.htm>

Franco J.C., Solorio T., Baby-Steps Towards Building a Spanglish Language Model – UTEP Technical Departmental, 2007.

Leach E. Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse // *New Directions in the Study of Language* / Ed. E.H. Lenneberg. – Cambridge: MIT Press, 1964.

Stavans I. Impulsor del spanglish desafía a profesores, traductores y lingüistas. Second Seminar on the Transatlantic Dimension of the Spanish Language. – Nueva York, 2001.

© Питолин Д.В., 2014